

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 811.581'371'373.612.2:[599.326.1+398.44]:81'27(510)(045)

Веремейчик Виктория Игоревна

студент

Белорусский государственный университет
иностраннных языков
г. Минск, Беларусь

Viktoriya Veremeychik

Student

Belarusian State University of Foreign Languages
Minsk, Belarus
nikavika.v@gmail.com

Филимонова Марина Сергеевна

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики
китайского языка

Белорусский государственный университет
иностраннных языков
г. Минск, Беларусь

Marina Filimonova

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and Practice of the Chinese Language
Belarusian State University of Foreign Languages
Minsk, Belarus
marinfill@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЖИВОТНЫХ-СИМВОЛОВ: ЗАЯЦ И ДРАКОН В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Статья представляет когнитивный анализ концептов «заяц» и «дракон» как ключевых символов Китая. На материале лексики и фразеологии выявляются механизмы метафоризации, которые объективируют данные концепты в языке. В рамках теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона предложена классификация метафорических моделей, объективирующих данные концепты, и дана их количественная оценка, демонстрирующая различный когнитивный потенциал.

Ключевые слова: китайский язык; лингвокультура; концептуальная метафора; символизм; концепт «заяц/кролик»; концепт «дракон».

CONCEPTUAL METAPHORS IN THE REPRESENTATION OF ANIMAL-SYMBOLS: THE HARE AND THE DRAGON IN CHINESE LINGUACULTURE

This article presents a cognitive analysis of the concepts of “hare/rabbit” and “dragon” as key symbols of China. Using vocabulary and phraseology, the author identifies the mechanisms of metaphorization that objectify these concepts in language. Within the framework of the theory of J. Lakoff and M. Johnson, the author classifies metaphorical models that objectify these concepts and provides a quantitative assessment of them, demonstrating different cognitive potential.

Key words: Chinese language; linguaculture; conceptual metaphor; symbolism; “hare/rabbit” concept; “dragon” concept.

Современная лингвистика преодолела представление о языке как о системе, замкнутой в себе, позволяя рассмотреть в качестве объекта не просто язык или речь, а самого говорящего и мыслящего человека. Иными словами, язык понимается не как автономный механизм, а как вербальное выражение того, как человек воспринимает, осмысливает и категоризирует мир. Это привело к рассмотрению уже не определенных значений, закрепленных в словарях, а к изучению субъективности как неотъемлемой характеристики любого явления [1, с. 50].

Возникновение когнитивной лингвистики – парадигмы, которая в центр выдвинула исследование процессов человеческого познания, значительным образом изменило подход к изучению языка. В то время как традиционная лингвистика рассматривала язык «в себе и для себя» [2], когнитивная лингвистика представляет его как «инструмент познания, организации и переработки информации» [3, с. 184]. Язык становится ключевым когнитивным механизмом, а изучение того, каким образом осуществляются процессы восприятия, категоризации и осмысления мира, – целью когнитивной лингвистики.

Основной единицей и центром исследования в этой новой парадигме становится концепт. Сам термин *концепт* стал использоваться в отечественной лингвистической литературе относительно недавно – в начале 90-х годов [4, с. 97].

В понимании Е. С. Кубряковой концепт – основная единица ментального опыта, которая функционирует в сознании человека, объединяя знания, образы и представления, формирующие его индивидуальную картину мира [5]. З. Д. Попова и И. А. Стернин дают концепту следующее определение: «квант структурированного знания» [6], который формируется из непосредственного чувственного опыта, предметной деятельности человека и языкового общения [7, с. 4]. Ю. С. Степанов предлагает рассматривать концепт в первую очередь как культурный феномен. По его мнению, концепт – это «основная ячейка культуры в ментальном мире человека». Это не просто мысль о предмете, а сложное, многомерное ментальное образование, в котором сосредоточен опыт и знания человека, а также вся совокупность культурных смыслов, связанных с этим понятием [7]. Таким образом, концепт служит мостом между индивидуальным сознанием и коллективной культурой, а язык является его главным репрезентантом.

На этом этапе возникает вопрос о том, каким именно образом человек осмысляет и вербализует сложные, абстрактные и эмоционально нагруженные концепты. Механизмом, который как раз позволяет осуществить данный переход, служит метафора. В то время как концепт выступает «сгустком культуры» [7], метафора выполняет роль инструмента-переводчика, который дает возможность, опираясь на культурный и телесный опыт, получить уже понятный для человека образ.

В своей работе «Метафоры, которыми мы живем» Дж. Лакофф и М. Джонсон выдвинули более глубокую теорию, суть которой заключается в том, что метафора – это не сугубо языковое украшение, ведь она пронизывает не только язык, но также мышление и действия человека. Авторы утверждают, что «наша обычная понятийная система, в терминах которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» [8, р. 9].

Согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, суть метафоры заключается в осмыслении и переживании явлений одной области (сферы-мишени) в терминах другой, более понятной или конкретной области (сферы-источника). Метафорические выражения в языке являются поверхностным отражением лежащих в их основе метафорических концептов, которые и определяют, как мы концептуализируем ту или иную область опыта [8, р. 10]. Дж. Лакофф и М. Джонсон предлагают классификацию метафорических концептов, выделяя три основных типа, которые и составят теоретическую основу данного исследования.

1. *Структурные метафоры* представляют собой самый сложный и мощный тип метафор. Их главная особенность в том, что они позволяют осмыслить одно явление (например, абстрактную идею) через призму целостной структуры другого, более простого и понятного явления. Структурная метафора переносит всю внутреннюю организацию, логику и составные части одного понятия на другое. Важно, что такое структурирование всегда частично: оно высвечивает одни аспекты концепта и скрывает другие [8, р. 19].

2. *Ориентационные метафоры* организуют целую систему концептов относительно пространственных ориентаций, которые проистекают из нашего телесного опыта: «верх – низ», «внутри – снаружи», «перед – зад» и т.д. [8, р. 22].

3. *Онтологические метафоры* позволяют представлять абстрактные явления как конкретные предметы или вещества. Такой подход дает возможность работать со сложными концепциями (например, эмоциями, временем или идеями) как с обычными предметами, которые можно выделить, классифицировать и описать [8, р. 25].

В рамках данного исследования анализ проводится на материале номинаций двух животных-символов: 兔 ‘заяц/кролик’ и 龙 ‘дракон’. Данные концепты были выбраны ввиду своего парадигмального противопоставления в китайской лингвокультуре: концепт «дракон» выступает верховным сакральным символом, используемым для метафоризации абстрактных и духовных понятий [9], в то время как концепт «заяц/кролик» объединяет мифологический образ с признаками реального животного [10]. Таким образом, противопоставление концептов разных уровней культурного кода – высшего (сакрального) и базового (мифолого-поведенческого) – помогает более наглядно проследить различные когнитивные механизмы и метафорические модели, объективируемые в языке. Методологической основой практического анализа является теория концептуальной метафоры

Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в соответствии с которой были идентифицированы и классифицированы метафорические модели, репрезентирующие данные концепты. Научная новизна исследования заключается в сопоставительном анализе двух концептов, занимающих различное положение в культурном коде. Это позволяет не только описать их культурную специфику, но и отобразить, какой тип метафоры доминирует в репрезентации каждого из концептов через количественную оценку, демонстрируя различный когнитивный потенциал сопоставляемых символов.

Анализ концепта 兔 ‘заяц/кролик’ в китайском языке требует предварительного лингвистического комментария. Следует отметить, что китайская лексическая единица 兔 не имеет строгой видовой дифференциации при переводе на русский язык и может передаваться как лексемой *заяц*, так и лексемой *кролик*. В самом китайском языке уточнение осуществляется с помощью составных номинаций: 家兔 (досл.: ‘домашний кролик’) и 野兔 (досл.: ‘дикий заяц’). Следовательно, адекватный перевод устойчивых выражений, содержащих данный иероглиф, определяется в первую очередь законами лексической сочетаемости в русском языке.

Семантический анализ 30 проанализированных единиц позволил выявить структуру концепта, ядро которого формируют четыре ключевых признака, устойчиво репрезентируемых в языке: ‘долголетие’, ‘скорость’, ‘хитрость/осмотрительность’ и ‘недальновидность’. Данные признаки были установлены на основе частотности их вербализации в различных типах выражений. Формирование семантического поля исследуемого концепта глубоко укоренено в культурно-мифологическом пласте.

Центральное место занимает архетипический образ Нефритового зайца 玉兔, связанный с лунной мифологией. В традиционных представлениях пятна на лунном диске ассоциировались с силуэтом зайца. Данный образ, наделенный характеристикой «нефритовой» белизны, был интегрирован в легенду, согласно которой это существо – «заяц» – на Луне изготавливает эликсир бессмертия, что, как можно заметить, отражено во фразеологизме 玉兔捣药 ‘нефритовый заяц толчет лекарство’. Впоследствии данный нарратив получил развитие в сюжетах, связанных с богиней Чанъэ [11]. Таким образом, через данный мифологический комплекс в семантике концепта закрепляется важнейший признак – ‘долголетие’.

Лунная природа зайца закономерно обусловила его метафорическую связь с течением времени. В традиционной картине мира луна и солнце, олицетворяемые зайцем 兔 и вороном 乌 соответственно, воспринимались как видимые маркеры бега времени. Эта концептуализация находит отражение в выражениях 东兔西乌 (досл. ‘заяц на востоке, ворон на западе’) и 乌飞兔走 (досл. ‘ворон летит, заяц бежит’), где пространственное перемещение небесных тел проецируется на абстрактную категорию времени, подчеркивая его неумолимый и стремительный ход [12, с. 1621].

Другим значимым семантическим признаком является ‘скорость’. В условиях древнекитайской фауны, где такие хищники, как гепарды и львы, были редки или отсутствовали вовсе, заяц воспринимался как одно из самых стремительных животных. Этот атрибут нашел отражение в историко-литературном контексте, например, в имени легендарного, способного пробежать за день десять тысяч ли, коня 赤兔 ‘Красный заяц’ полководца Люй Бу из эпопеи «Троецарствие» [13, с. 110]. В дальнейшем в языке закрепились метафорические номинации, непосредственно актуализирующие данный признак: 飞兔 ‘летающий заяц’ и 脱兔 ‘стремительный заяц’.

Параллельно в языковом сознании развивался признак ‘хитрость/осмотрительность’. Он вербализуется в устойчивых выражениях, описывающих поведенческие стратегии человека. Наиболее показательной является идиома 狡兔三窟 ‘хитрый заяц имеет три норы’, используемая для характеристики лица, обеспечивающего себе множество путей для отступления. Ее сокращенный вариант 狡兔 ‘хитрый заяц’ может обладать как положительной (сообразительность, изобретательность), так и отрицательной (изворотливость, коварство) коннотацией в зависимости от прагматики высказывания [9, р. 7].

Образ зайца, передающий негативную оценку, прослеживается также на примере выражения 兔子尾巴长不了 ‘заячий хвост не может вырасти длинным’. Эта метафора применяется для характеристики явлений или действий, лишенных перспективы и основательности, например, при описании индивида, ожидающего результата, не прилагая для его достижения достаточных усилий [9, р. 7].

Репрезентация ключевых семантических признаков концепта 兔 ‘заяц/кролик’ осуществляется посредством различных типов метафор. Для наглядной демонстрации механизмов метафоризации ряд рассмотренных лексических единиц представлен в виде табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Классификация лексических единиц с компонентом «заяц/кролик»
по типам концептуальных метафор

№ п/п	Лексическая единица	Исходное значение	Тип метафоры (по М. Лакоффу и Д. Джонсону)
1	玉兔	Нефритовый заяц (мифол.)	Онтологическая
2	东兔西鸟	Заяц на востоке, ворон на западе	Ориентационная
3	飞兔	Летающий заяц	Структурная
4	狡兔三窟	Хитрый заяц имеет три норы	Структурная
5	兔子尾巴长不了	Заячий хвост не может вырасти длинным	Структурная

Проведенный анализ позволяет заключить, что концепт «заяц/кролик» в китайской лингвокультуре представляет собой сложное, но в целом амбивалентное образование с четко структурированным ядром. Его содержание формируется вокруг четырех ключевых семантических признаков, выявленных на основе частотности их репрезентации: ‘долголетие’, ‘скорость’, ‘хитрость/осмотрительность’ и ‘недальновидность’. Данная структура объективируется в языке преимущественно через структурные метафоры (18 единиц, 60 %), которые проецируют комплексные модели поведения животного на человеческие действия и ситуации (например, 狡兔三窟 или 脱兔). Онтологические метафоры (10 единиц, 33,3 %) служат для репрезентации абстрактных сущностей, таких как мифологический символ 玉兔 или архетип хитрого существа 狡兔. Небольшая доля ориентационных метафор (2 единицы, 6,7 %) связывает концепт с осмыслением абстрактного течения времени. Для большей наглядности результаты показаны также посредством диаграммы (рис. 1).

Рис. 1. Распределение типов концептуальных метафор в репрезентации концепта «заяц/кролик»

Таким образом, концепт «заяц/кролик», несмотря на мифологическую составляющую, в целом отражает «базовый» уровень культурного кода, проецируясь на приземленные, повседневные и личностно-ориентированные сферы опыта.

Для выявления структуры рассматриваемого далее концепта «дракон» был применен тот же метод компонентного анализа, что и для концепта «заяц/кролик». Ключевые семантические признаки выделялись на основе их повторяемости и устойчивости в спектре отобранных лексико-фразеологических единиц, отражающих различные аспекты функционирования образа дракона в культуре. В результате анализа 30 единиц были идентифицированы следующие ключевые признаки концепта ‘дракон’: ‘власть/сакральный статус’, ‘сила/гениальность’, ‘удача’, ‘активность/жизненная сила’.

Концепт 龙 ‘дракон’ занимает центральное место в китайской лингвокультуре, выступая ее ключевым символом и пронизывая самые разные сферы – от политики и искусства до повседневного языка [14]. Его внешний облик не был строго фиксированным: в разных представлениях он сочетал в себе черты змеи, лошади или тигра [15, с. 61] что, по мнению ученых, может быть обусловлено обнаружением древних окаменелостей, которые приписывали мифическому дракону, не находя им иного объяснения [9, р. 32]. Неизменной характеристикой дракона, однако, является его связь со стихиями: его традиционно изображают в окружении волн, туч и ветра, подчеркивая его власть над природными силами [16, с. 75].

Культура Китая выделяет несколько видов драконов, различающихся по цвету и функциям. Так, 天龙 ‘небесный дракон’ в лазурных или белых тонах считается защитником небес; 神龙 ‘божественный дракон’ синего цвета управляет погодой и, следовательно, урожаем; 黄龙 ‘желтый дракон’ выступает посредником между богами и людьми [15, с. 63], и именно к его изображениям обращаются с молитвами [17, с. 5].

Важнейшим аспектом является связь дракона с императорской властью. Способность дракона менять облик (даже принимать человеческий вид) и его роль посредника между небом и землей сделали его идеальным символом монарха. Эта связь прочно закрепилась в языке: императорские регалии и понятия неизменно включали в себя иероглиф 龙: 龙袍 ‘парадное одеяние императора’, 龙颜 ‘лик императора’ (величественный вид), 龙床 ‘императорское ложе’. Со временем образ дракона трансформировался из символа императора в символ всей китайской нации, что отразилось, например, в слове 龙人 ‘люди-драконы’ [18, с. 209]. Даже Великая Китайская стена визуальнo ассоциируется с телом гигантского дракона [19, с. 31].

Неотъемлемым атрибутом дракона является жемчужина, которую он то держит во рту, то выпускает. С этим образом связаны древние космогонические представления, а жемчужина сама по себе символизирует умножение богатства и магическую силу. В пословице 龙眼识珠, 凤眼识宝, 牛眼识青草 ‘глаза дракона видят жемчуг, глаза феникса – сокровище, глаза буйвола – солому’ дракон олицетворяет способность распознавать истинную ценность и противопоставляется обыденному восприятию [20, с. 96].

Будучи могущественным сверхъестественным существом, дракон закономерно стал метафорой для одаренных людей. Выражение 卧龙 ‘спящий дракон’ обозначает человека с огромным, но еще не реализованным потенциалом. Фразеологизмы вроде 龙蟠凤逸 ‘как дракон, свернувшийся кольцом, как феникс, скрывшийся из виду’ или 鲤鱼跳龙门 ‘камп, перепрыгнувший через врата дракона’ метафорически описывают выдающиеся таланты или значительный карьерный рост [19, с. 31].

Ряд проанализированных лексических единиц, репрезентирующих концепт «дракон», систематизирован и классифицирован по типам метафор в табл. 2.

**Классификация лексических единиц с компонентом «дракон»
по типам концептуальных метафор**

№ п/п	Лексическая единица	Исходное значение	Тип метафоры (по М. Лакоффу и Д. Джонсону)
1	天龙	Небесный дракон	Ориентационная
2	龙颜	Лицо дракона (лик императора)	Структурная
3	龙人	Люди-драконы (китайская нация)	Онтологическая
4	卧龙	Лежащий/спящий дракон	Структурная
5	鲤鱼跳龙门	Карп перепрыгивает Врата Дракона	Структурная

Анализ метафорических моделей подтверждает статус концепта «дракон» как сакрального символа китайской лингвокультуры, обладающего высоким когнитивным потенциалом. Ядро концепта образуют такие ключевые признаки, как 'власть/сакральный статус', 'сила/гениальность', 'удача' и 'активность/жизненная сила'. Доминирование структурных метафор (23 единицы, 76,7 %) демонстрирует, что сложный образ дракона используется для концептуализации и структурирования фундаментальных для культуры абстракций: верховной власти (龙颜, 龙袍), скрытого потенциала (卧龙), национальной идентичности (龙人). Онтологические (6 единиц, 20 %) и ориентационные (1 единица, 3,3 %) метафоры дополняют картину, подчеркивая объективированную сущность концепта и связь с высшей, небесной сферой. Для большей наглядности результаты показаны также посредством диаграммы (рис. 2).

Рис. 2. Распределение типов концептуальных метафор в репрезентации концепта «дракон».

В целом концепт «дракон» метафорически структурирует «высший» уровень культурного кода, обслуживая сферы коллективной идентичности, сакральной власти и духовных устремлений.

Проведенное исследование позволило выявить и систематизировать основные метафорические модели, репрезентирующие концепты «заяц/кролик» и «дракон» в китайском языке.

Сопоставление выводов наглядно показывает, как различие в культурном статусе двух символов («базовый» концепта «заяц/кролик» и «высший» концепта «дракон») отражается в структуре их семантических признаков и в количественном распределении типов метафор, используемых для их языковой репрезентации.

Полученные результаты наглядно иллюстрируют глубокую взаимосвязь языка, мышления и культуры. Метафора, выступая ключевым когнитивным механизмом, позволяет транслировать культурные архетипы и национальные модели мира непосредственно в языковую систему. Концепт «дракон», метафорически структурирующий сферы власти, гениальности и национального духа, и амбивалентный концепт «заяц/кролик», который проецируется на сферы долголетия, скорости и хитрости, являются яркими примерами того, как язык аккумулирует и кодирует коллективный культурный опыт.

Данное исследование подтверждает продуктивность применения теории концептуальной метафоры, разработанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, для лингвокультурологического анализа концептов и подчеркивает необходимость изучения лексики в неразрывной связи с ее культурным контекстом для достижения межкультурного взаимопонимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградова, С. А.* Когнитивная лингвистика о значении и концепте / С. А. Виноградова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 2. – С. 50–55.
2. *Соссюр, Ф. де.* Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр ; пер. с фр. А. М. Сухотина ; под общ. ред. [и с примеч.] М. Э. Рут ; ред. Ш. Балли, А. Сеше ; биогр. и крит. заметки о Ф. де Соссюре Т. Б. де Мауро ; пер. с фр. С. В. Чистяковой. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
3. *Кубрякова, Е. С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова, Е. М. Позднякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 182–184.
4. *Подвигина, Н. Б.* Понятие концепта и концептосферы / Н. Б. Подвигина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2007. – № 3. – С. 97–105.
5. *Кубрякова, Е. С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6–17.
6. *Попова, З. Д.* Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – 191 с.
7. *Степанов, Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры : монография / Ю. С. Степанов. – М. : Академ. Проект, 1997. – 990 с.

8. *Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 2003. – 276 p.*
9. *刘志雄. 龙与中国文化 / 刘志雄, 杨静荣. – 北京 : 人民出版社, 1992. – 98 p. = Liu Zhixiong. Dragon and Chinese culture / Liu Zhixiong, Yang Jingrong. – Beijing : People's Publishing House, 1992. – 98 p.*
10. *Шан, Б. Образы животных и птиц в русской и китайской лингвокультурах / Б. Шан, Н. Сай, Ч. Лю // Общество: философия, история, культура. – 2021. – № 11 (91). – С. 114–122.*
11. *Попова, А. В. Господин Заяц Туэр-е: от ритуала к игрушке / А. В. Попова // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2021. – № 55. – С. 45–53.*
12. *Цзя, Ч. Зооморфизм «заяц» в функции образной характеристики человека / Ч. Цзя, С. М. Трофимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 5. – С. 1620–1624.*
13. *Донец, А. С. Диалектика образа Гуань Юя в романе Ло Гуаньчжуна «Троецарствие» / А. С. Донец // Белорусско-китайский культурный и образовательный диалог: история и современное состояние : материалы междунар. науч. круглого стола, посвящ. 100-летию Белорус. гос. ун-та, 20-летию преподавания кит. яз. на филол. фак., 10-летию каф. кит. филологии, Минск, 17–18 мая 2021 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Н. Н. Хмельницкий (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – С. 104–115.*
14. *Ван, С. Философия симбиоза в рецепции образа дракона в китайской культуре / С. Ван // Философия и культура. – 2024. – № 5. – С. 1–11.*
15. *Жэнь, Ч. Китайская мифология: образ священного дракона / Ч. Жэнь ; науч. рук. А. В. Конышева // НИРС БГЭУ : сб. науч. ст. / Мин-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экономич. ун-т ; [редакционная коллегия: Е. В. Гусаков (председатель) и др.]. – Минск : БГЭУ, 2023. – Вып. 12. – С. 61–64.*
16. *Происхождение дракона / Ц. Ян, Ч. Лю, Ю. Лун [и др.]. – Пекин : Чжунго шудянь, 2008. – 124 с.*
17. *Рюмина, А. В. Драконы как ключевой символ в китайской культуре / А. В. Рюмина, Н. В. Сулекбаева, А. Ю. Косинцева // Language & Science / Тюмен. гос. ун-т ; гл. ред. О. Э. Сухарева ; науч. ред. Е. А. Меньш. – 2015. – № 4. – С. 1–5.*
18. *Чэнь, Ш. Л. Образ Дракона в китайской культуре / Ш. Л. Чэнь // Политическая лингвистика. – 2024. – № 1 (103). – С. 206–210.*
19. *Филипповский, В. С. Символическое значение образа дракона в китайской мифологии / В. С. Филипповский, Н. Г. Бирюков // StudNet. – 2020. – № 2. – С. 28–33.*
20. *Казакова, И. В. Образ дракона в китайской мифологии, фольклоре и других культурных пластах / И. В. Казакова // София : электронный научно-просветительский журнал. – 2018. – № 2. – С. 93–99. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/208649> (дата обращения: 01.10.2025).*

Поступила в редакцию 17.10.2025